

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-312-321>

Научная статья / Research article

Движение империи Петра Великого на Восток

Евгений Викторович Анисимов

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
✉ vbrevis@yandex.ru

Аннотация: Время Петра I примечательно не только реформами, преобразившими страну, но и появлением новых представлений о месте России как великой державы в мире. Имперские мечтания Петра выходили далеко за рамки установления русского господства на Балтике. Петр внимательно относился к теме отношений Запада и Востока. Тут важно учесть экономические соображения царя. Он был увлечен идеями меркантилизма и мечтал превратить Россию в транзитное пространство между Западом и Востоком. Это позволило бы обогатить страну. Он хотел создать единую транспортную систему (преимущественно водную), которая соединяла бы Балтику с Востоком. Кроме того, мифы о сказочном богатстве Востока распалали имперское воображение Петра. Это выразилось в посылке в Среднюю Азию и на Каспий экспедиций, перед которыми ставилась задача не только разведки, но и присоединения новых территорий. Наиболее ярко имперские мечтания Петра выразились во время Персидского похода. Целью похода было не только завоевание североиранских территорий, но и создание там базы для завоевательного похода в Индию. Планы Петра были обширны. Он намеревался создать в устье Куры новый, подобный Петербургу, город-порт и центр восточной торговли. Тем самым он намеревался перенести традиционные торговые пути между Востоком и Западом на пространство России. Однако смерть царя не позволила ему реализовать эти и другие грандиозные завоевательные планы.

Ключевые слова: Петр I, имперское воображение, экспедиции на Восток, Индия, Персидский поход, меркантилизм, завоевания

Для цитирования: Анисимов Е.В. Движение империи Петра Великого на Восток // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 3. С. 312–321. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-312-321>

Eastward Motion of Peter the Great's Empire

Evgenii V. Anisimov

St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
National Research University "Higher School of Economics," St. Petersburg, Russia
✉ vbrevis@yandex.ru

Abstract: The time of Peter the Great is notable not only for the reforms that transformed the country, but also for the emergence of new ideas of the place of Russia as a great power in the world. Peter the Great's imperial dreams went far beyond the establishment of Russia's domination in the Baltic. He was mindful of the problem of the West-East relationship. It is important to take into account the tsar's economic considerations. He was fascinated by the ideas of mercantilism and dreamed of turning Russia into a transit space between the West and the East. It would allow enriching the country.

He wanted to create a unified transport system (mainly waterway) that would connect the Baltic and the East. In addition, the myths about the fabulous wealth of the East heated Peter the Great's imperial imagination. It manifested itself in sending expeditions to Central Asia and the Caspian Sea. Their purpose was not only to explore, but also to annex new territories. Peter the Great's imperial dreams were expressed most vividly during the Persian campaign, the aim of which was not only to conquer the northern part of Persia, but also to create a base there for an expansionist campaign to India. Peter the Great's plans were extensive. He intended to create a new city-port in the mouth of the Kura similar to St. Petersburg and a center of eastern trade. Thus, he planned to transfer the traditional trade routes between the East and the West to the territory of Russia. However, the tsar's death prevented him from realizing these and other grandiose plans of conquest.

Keywords: Peter I, imperial imagination, expeditions to the East, India, Persian campaign, mercantilism, conquests

For citation: Anisimov, E.V. "Eastward Motion of Peter the Great's Empire." *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 3 (August 2022): 312–321. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-312-321>

Введение

Как известно, главной целью Петра Великого в Северной войне (1700–1721 гг.) был выход России к Балтийскому морю. Война эта была начата Петром под формальным предлогом возвращения «отчин и дедин» – приморских территорий, некогда принадлежавших Великому Новгороду, ставших частью Московской Руси, а затем в начале XVII в. отошедших к Швеции согласно заключенному в 1617 г. Столбовскому миру. Но не только стремление восстановить справедливость и вернуть некогда отобранные силой старинные приморские земли двигало Петром. Выход к морю был важен для царя как первый шаг в обустройстве надежной «коммуникации» между Западом и Востоком. Тема эта не нова в научной литературе применительно к истории Петровского периода, и она отразилась в литературе по конкретными ее аспектам, однако обобщающих исследований, которые бы коснулись феномена имперского воображения Петра применительно к Востоку, фактически нет. Данная статья преследует цель восполнить эту лакуну.

Идея транзита Запад – Восток

Сама идея использовать пространство России для установления транзита «Восток – Запад» существовала давно, как в сознании европейских купцов, искавших более безопасный (чем через Ближний Восток) путь к богатствам Индии и Китая, так и в сознании правителей России, хотевших перевести главные сухопутные торговые пути, связывающие Европу с Востоком, так называемый «Великий шелковый путь» севернее от его традиционного направления (через Ближний Восток) – на территорию России и сделать этот путь преимущественно водным – через систему рек Великоорусской равнины и соединяющих их каналов.

Для этого были предпосылки. Россия с древних времен становилась транзитной территорией между Западом и Востоком. Не раз отдельные западноевропейские посольства и путешественники, отправлявшиеся в Персию, проходили этим путем, причем от Москвы и до берегов Персии это был удобный водный путь по Москва-реке, Оке, Волге и Каспию. Но в целом путь от Москвы на Запад через Россию не был освоен и технологически обустроен, при том что Швеция, владея восточным побережьем Балтики, никогда не мешала выходу в море русских купцов как через устье Невы, так и через свои балтийские порты – Ригу, Ревель, Пернов. Дело в том, что водные пути через Великоорусскую равнину как наиболее удобные в условиях русского бездорожья не были соединены в единую водную транспортную систему. Вместе с тем путь из центра в Архангельск – единственный морской порт России – был довольно хорошо освоен как по воде, так и посуху, и он вполне удовлетворял экономические потребности тогдашней России, правители которой

не особенно искали торговых путей к Балтийскому морю. Требования же русских дипломатов вернуть России ее «отчины и дедины» на Балтике во время переговоров со шведами в течение всего XVII в. были продиктованы больше соображениями престижа, чем экономической необходимостью. Все изменилось с приходом к власти Петра в 1689 г.

Культ Пристани

Царь резко изменил внешнюю политику России. С юных лет образцом для Петра была Голландия, чье богатство и благополучие было достигнуто за счет мореплавания и торговли. Поэтому царь был безмерно увлечен популярными в то время идеями меркантилизма, видел в развитии международной торговли средство обогащения России. Завоевав устье Невы, Петр начал строить не просто город и крепость Санкт-Петербург, а как тогда говорили, ПРИСТАНЬ. Это емкое понятие включало в себя торговый порт, гавань, перевалочный пункт, центр морской торговли, портовый город со всей, присущей ему инфраструктурой и населением. Эта Пристань для Петра была не только, как принято говорить, «воротами в Европу», но и «воротами на Восток», вглубь России. А там, на ее просторах, иностранные инженеры и тысячи согнанных отовсюду работных быстрыми темпами начали строить каналы и шлюзы, которым предстояло соединить русские реки, текущие, в основном, в меридиональном направлении, между собой и со всеми морями, к которым имела выход Россия. Вся эта система водных путей должна была, прежде всего, обеспечить связь Балтики с Черным морем и Каспием и, в конечном счете, с Востоком. Забегая вперед, отметим, что Петр мечтал когда-нибудь сесть на судно в Петербурге, а высадиться... на берегах Инда!

К этому времени Европа уже довольно много знала о странах и народах Востока. До появления научного знания о восточных цивилизациях оставалось лет 100–150, тем не менее, в Европе уже были накоплены обширные данные об экономике, географии, быте, языках стран Востока. Сведения об этом разными путями попадали в Россию, которая и сама, благодаря своим торговым связям с Китаем, Персией и Средней Азии, имела обширную практическую информацию об этих регионах. Кроме того, нужно учитывать голландский опыт Петра. В Голландии, в которой он бывал дважды и подолгу, царь многое узнал о Востоке. Он знакомился с коллекциями артефактов, доставленных из множества голландских факторий на Востоке (известно, что многие годы голландцы были единственными европейцами, допущенными в Японию). Петр сам бывал на кораблях Батавской эскадры, привозивших товары и редкости из Батавии (Индонезии). Он был знаком с исторической литературой о Востоке, разговаривал с людьми, побывавшими там. Среди них были путешественники, купцы, дипломаты. Можно утверждать, что у царя был искренний интерес к Востоку. Голландский путешественник и художник Корнелис де Бруин сообщал в своих записках, как Петр расспрашивал о его путешествии на Восток, рассматривал его зарисовки, просил рассказать о Египте, Ниле,

о городе Каире, его величине, как он построен, в каком состоянии находятся части, отделенные от древнего Каира, об Александрии и о многих других местах, присовокупив при этом, что ему неизвестно о том, что есть другая местность, называемая Александретта¹.

Важно отметить, что Петр как профессиональный военный и моряк отлично разбирался с картами, часто «путешествуя» по ним. Недаром именно карта Каспийского моря стала основанием для принятия Петра во французскую Академию наук.

¹ *Бруин К. де Путешествие в Московию // Россия XVIII века глазами иностранцев / сост. Ю.А. Лимонов. Л., 1989. С. 52.*

В поисках золота Востока

Конечно, сведения о Востоке в то время постепенно очищались от средневековых легенд о людях с песьими головами, о Горе Мудрецов и прочих мифов, плотной завесой окружавших таинственный Восток, но все же главный миф о невероятном его богатстве прочно гнездился в сознании людей начала XVIII в. Не миновал веры в него и русский царь. Неслучайно он оказался очарован в 1714 г. рассказами о таинственном чудесном городе золота Иркене или Яркенде. Эта вера Петра в возможности так просто обогатить казну, отощавшую за время тяжелой войны со шведами, стала причиной посылки в Хиву военной экспедиции князя А.Б. Черкасского (более известного как Бекович-Черкасский). В указе, подписанном Петром, ему предписывалось ехать в Хиву к правителю якобы

с поздравлением на ханство, а оттоль ехать ему в Бухары, сыскаф какое дело торговое, а дело настоящее – чтоб проведать про город Иркень, сколь далеко оной от Каспийского моря и нет ли каких рек оттоль (или хотя не от самова тово места, аднакож в близости) в Каспийское море².

Тогда же через Сибирь был отправлен отряд подполковника И.Д. Бухгольца, которому также поручалось найти и завладеть Иркеном. Другим, связанным с поисками Иркеня, был миф о золотоносной Амударье. Мысль о сверкающем золотом дне Амударьи не давала покоя царю. Он верил рассказам авантюристов, вроде туркмена Хаджи Нефеса, который убедил царя, что коварные хивинцы, чтобы затруднить другим добывать со дна реки драгоценный металл, построили дамбу и отвели течение реки от Каспийского моря в сторону Арала. Петр полагал, что можно разрушить эту плотину, вернуть реку в старое русло и благодаря этому легко пройти к золотым месторождениям³.

Примечательно, что и перед Бекович-Черкасским, и перед И.Д. Бухгольцем ставилась задача не просто добраться до Иркеня и вожделенных берегов Амударьи, а предписывалось по дороге возводить цепь крепостей – опорных пунктов российского господства (так, Бухгольцем был основан Омск)⁴. В этом проявлялись имперские мечты Петра о расширении пределов владений России на Востоке. Территориальная экспансия была обязательной частью плана продвижения на Восток. Так поступали все великие колониальные державы того времени, а Петр мыслил свою империю именно как империю мирового уровня, владевшую множеством восточных колоний. Но, как известно, карты порой играют скверную шутку с имперскими мечтателями – часто бывает «гладко только на бумаге...»: обе экспедиции закончились провалом, и только русский фольклор обогатился безнадежным выражением «Пропал как Бекович!»⁵.

На Индию через Персию

Неудачи в реализации среднеазиатского проекта не остановили Петра. В конце Северной войны, завершившейся победным для России Ништадским миром 1721 г., имперские мечты царя, вскоре ставшего императором, приняли новое направление. Достигнутое в ходе Северной войны военное могущество России в сочетании с резким ослаблением империи Сефевидов, изнемогавшей в это время под натиском

² Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (далее – Архив СПбИИ РАН). Ф. 272. Оп. 1. Д. 75. Л. 340.

³ Андреев А.А. Хивинское ханство в начале XVIII века. Трудности политического развития в условиях внешнего влияния // Петровское время в лицах: сб. статей. СПб., 2015. С. 23–24.

⁴ Евсеев Е.Н. Экспедиция И.Д. Бухгольца и основание Омской крепости // Города Сибири: (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974. С. 47–59.

⁵ Подр. см.: Безгин И.Г. Князя Бековича-Черкасского экспедиция в Хиву. СПб., 1891.

афганских племен⁶, привело Петра к мысли о завоевании Персии для того, чтобы оттуда двинуться прямо в Индию – великую цель всех европейских завоевателей. Собственно, прежние экспедиции Бековича и Бухгольца также имели в виду не только поиски золота, но разведку пути в Индию через Среднюю Азию. Так, с отрядом Бековича должен был ехать опытный картограф А.И. Кожин, которому прямо поручалось,

ехать ему водою Амударью рекою (или другими, кои в нее впадают), сколько возможно до Индии под образом купчины, а настоящее дело до Индии путь водяной искать⁷.

Самому же Бековичу, достигнувшему Бухары, предстояло отправить

надежного человека и тамошние языки знающаго, чрез Персию в Индию, которому приказал о всех обстоятельствах земель, через которые проезжать имеет, прилежно выправляться и с подробностью все то записывать, а оттуда возвратиться в Бухарию через Китайское государство⁸.

Однако гибель отряда Бековича (точнее – его бесследное исчезновение) сделало для Петра запасной план завоевания прикаспийских провинций Персии и создания там базы для движения в Индию основным и безальтернативным. С 1718 г. начинается интенсивное изучение побережья Каспийского моря. Речь шла о «положении на карту» западного берега Каспия от устья Волги до Астрабада на южном берегу моря⁹. Морские экспедиции формально искали новые торговые пути, но по существу они имели отчетливо разведывательный характер и являлись частью общей «восточной программы» Петра, ориентированной на завоевание прилегавшей к берегам Каспия северной части Персии. Как писал участник одной из таких экспедиций на Каспий, Ф.И. Соймонов,

польза общих торгов служила только наружным видом сего предприятия, и назначенному в оную посылку офицеру предписано было в инструкции, чтоб они сие намерение везде распространяли, хотя другие словесные и тайные приказания до купчества не подлежали¹⁰.

Впрочем, уточним: Петр требовал, чтобы участники экспедиций не только фиксировали места предстоящей высадки войск на побережье, но и собирали информацию о торговых путях, товарах, вывозимых из этих мест – напомним: движение в Индию преследовало цель с помощью оружия сместить Великий шелковый путь в сторону России.

Петербург на Куре?

Персидский поход, начавшийся в 1722 г. под командованием самого императора, проходил с успехом. Слабые силы персов и правителей западного Прикаспия не оказывали сопротивления русским войскам. Наоборот, даже приходилось сдерживать себя, чтобы не раздражать своими завоеваниями османскую Турцию, также включившуюся в раздел ослабевшего персидского государства. Словом, за несколько месяцев весь западный берег Каспия, точнее – узкая полоса побережья моря оказалась под властью России и вскоре русская армия фактически без боя аннексировала северно-иранские провинции Гилян и Мазандаран. Россия даже сумела

⁶ *Lockhart L.* The Fall of the Safavi Dynasty and the Afghan Occupation of Persia. Cambridge, 1958.

⁷ *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России. М., 1788. Ч. 6. С. 267.

⁸ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). СПб., 1830. Т. V. № 2994. С. 198.

⁹ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Майкова Т.С., под ред. Преображенского А.А. М., 2004. Вып. 1. С. 477; *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого. 1789. Ч. 7. С. 208–211.

¹⁰ *Соймонов Ф.И.* Описание Каспийского моря... СПб., 1763. С. 33.

зафиксировать новое приобретение в русско-персидском мирном договоре 1723 г. Правда, договор этот не был ратифицирован персидским шахом Тахмаспом II, который, впрочем, и сам к этому времени был нелегитимным правителем¹¹. Но для Петра это было неважно в свете открывшихся головокружительных возможностей начать завоевание Индии. Упомянутый выше Федор Соимонов записал разговор с царем, когда они стояли на берегу Каспийского моря. Соимонов, опытный мореплаватель и землепроходец, пытался донести до царя мысль, что задуманное им дело покорения восточных земель осуществить будет непросто из-за дальности расстояний и трудностей, которые ждут завоевателей на Востоке, но

Его величество и одного слова мне выговорить не позволил и скоро изволил мне сказать: «Был ты в Астрабадском заливе?». И как я донес «Был» – на то изволил же сказать: «Знаешь ли, что от Астрабата до Балха и до Водокшана (Бадахшана. – Е.А.) на верблюдах только 12 дней ходу? <...>. И тому пути никто помешать не может»¹².

Нет оснований сомневаться в достоверности изложенного Соимоновым. У Петра были грандиозные проекты по имперскому освоению Востока. О них нам известны лишь детали – не будем забывать, что Петр умер в январе 1725 г. и не успел вернуться с их реализацией. Но и те сведения, которыми мы располагаем, поражают присущими мышлению Петра масштабностью, радикальностью и известной долей имперского авантюризма. Так, в североиранских провинциях предполагалось не только построить новый город Екатеринополь – столицу новой российской колонии, но выселить местное мусульманское население, а взамен его переселить из Закавказья армян, а также русских из России, что, кстати, Петр начал делать в Дагестане, переселяя казаков во вновь построенную крепость Святой Крест. Но все-таки самой головокружительной идеей Петра стало намерение построить на присоединенных к России территориях, точнее – в устье Куры, новый город, так сказать Восточный Петербург. Как и на Балтике, император хотел основать тут ПРИСТАНЬ – город, порт, сделать это место центром всей, как он говорил, «восточной коммерции»¹³, главной базой русского владычества на Востоке (думаю, что название «Владивосток» могло появиться уже тогда). Петр упорно посылал одну экспедицию за другой в этот район Каспийского побережья, он не верил морякам и гидрографам, докладывавшим ему о невозможности построить порт и город в устье Куры. Зная, как возник из «топи блат» великий город Санкт-Петербург, не следует относиться к замыслам Петра как к неисполнимым фантазиям. Напомним, что устье Невы было тоже место, непригодное для города, но Петербург был-таки построен благодаря железной воле Петра и за счет огромных жертв русского народа. Проживи царь еще лет десять, может быть, чудо на Неве повторилось бы и на Куре – Петр никогда не жалел людей и денег во имя своих высоких целей. И тогда бы вся история России и Востока пошла иначе. Имея обширный опыт строительства Петербурга, понимая трудности исполнения своего плана, Петр решил идти путем великих колониальных держав, опиравшихся в освоении дальних колоний на мощные торговые компании и оборотистых дельцов. И такого дельца царь увидел в Европе. Он намеревался привлечь к делу разорившего своими авантюрами Францию финансового проходимца Джона Ло. Ему, через специально посланного агента, Петр предлагал основать Персидскую торговую компанию с огромными правами (по примеру Ост-Индских компаний Англии и Голландии). Ло наделялся обширными полно-

¹¹ Matthee, Rudolph P. The Politics of Trade in Safavid Iran: Silk for Silver 1600–1730. Cambridge, 1999. P. 175–230.

¹² Гольденберг Л.А. Федор Иванович Соимонов (1692–1780). М., 1966. С. 42–43.

¹³ Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2010. С. 88.

мочиями как в деле строительства нового города в устье Куры, так и в организации торговой инфраструктуры с тем, чтобы повернуть в сторону России пресловутый «Шелковый путь». Он обещал авантюристу необычайно выгодные условия, титулы и деньги из казны, но дело это вскоре расстроилось¹⁴.

Кто есть «азиатец»?

При этом надо отдать должное Петру – человеку умному, наблюдательному, в его постижении Востока. Поначалу он был во власти типично европоцентристского представления о Востоке как о пустынном «ничейном» пространстве, где живут «дикие азиатцы», не знающие всепобеждающего европейского «регулярства». Подобно своим европейским современникам он был убежден в безусловном превосходстве европейской цивилизации над восточной, что воплощалось во всепобеждающей силе регулярной армии. По убеждению европоцентристов, противник «азиатца» в масштабном военном столкновении с европейской армией слаб и с ним можно управиться, как писали в XX в. «ограниченным контингентом войск». Русский посол в Персии А.П. Волынский, посланный в соседнюю страну в 1715 г. фактически для разведки, пренебрежительно писал о персах:

...невеликих войск сия война требует, ибо Ваше величество уже изволите и сами видеть, что это не люди – скоты¹⁵.

Он безапелляционно утверждал, что успех гарантирован царю в силу «русского куража и смелости», а также благодаря «справной амуниции и довольному числу провианту». А.П. Волынский считал, что для завоевания Персии будет достаточно всего лишь десяти пехотных и четырех кавалерийских полков¹⁶. Как и многие завоеватели Востока, Петр не видел скрытых основ силы, могущества и традиций народов Востока. А между тем моральные, религиозные, ментальные основы жизни Востока жестко скрепляли весь этот, на взгляд европейца, хаотичный мир галдящих «мужиков в широких штанах», делая их опасными для европейцев противниками. Соприкоснувшись с миром Востока, Петр постепенно проникался особенностями менталитета восточных народов, видел их непохожесть на европейцев. Под Дербентом в 1723 г. произошел выразительный кровавый эпизод. О нем сохранилась запись в ведшимся во время похода дневнике – «Экстракте» о Персидском походе:

...зело удивительно сии варвары бились, во обществе (вместе. – Е.А.) нимало не держались, но побежали, а партикулярно десператно бились так, что покинув ружье, яко бы отдаваясь в полон, кинжалами резались, а один во фронт с саблею бросился, которого драгуны наши приняли на штыки¹⁷.

Свидетель происшедшего добавляет, что как только пленного начали пытать, он вырвал шпагу у офицера и побежал к палатке генерал-адмирала Ф.М. Апраксина, но часовые, стоявшие у входа, «приняли его на штыки», но «падая, он вырвал зубами из руки одного часового кусок мяса, после чего его убили...». Привыкшим к дисциплинированному европейскому строю русским военным неистовая самоотверженность «азиатцев» казалась странной, непонятной. В дальнейшем это состав-

¹⁴ Троцкий С.М. «Система» Джона Ло и ее русские последователи // Франко-русские экономические связи: сб. ст. М. – Париж, 1970. С. 117–119.

¹⁵ Курукин И.В. Персидский поход. С. 45.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания. СПб., 1872. Т. 2. С. 536.

вило одну из загадочных и огорчительных для европейцев, так и не постигших местных воинских правил и традиций, особенностей войны на Востоке. К пониманию этих правил Петр и его воины также не были готовы и стремились противопоставить им предельную жестокость в обращении с местным населением. Не понимали европейцы и особенностей ведения на Востоке переговоров и вообще ничего не знали о своеобразии отношений местных правителей и жителей к ним, христианам, казавшимся мусульманам «неверными», «нечистыми гяурами». В конечном счете задолго до Кавказских войн, уже тогда, во время Персидского похода, была сформулирована упомянутым А.П. Волынским жесткая доктрина с позиции силы, которой придерживались русские власти на протяжении столетий в отношении многих местных (особенно мусульманских) народов:

...здешние народы привлечь политикою к стороне вашей невозможно, ежели в руках оружия не будет, ибо, хотя и являются склонны (к компромиссам. – Е.А.), но только для одних денег, которых [народов], надобно бы так содержать, чтоб без причины их не озлоблять, а верить никому невозможно¹⁸.

Но важно отметить, что в рассказе о нападении пленного на часовых у палатки Апраксина упоминается, что Петр высоко оценил мужество этого человека:

Если б этот народ имел понятие о военном искусстве, тогда бы ни одна нация не могла взяться за оружие с ними¹⁹.

Столкнувшись с реальным Востоком, Петр понял также и ряд других истин. Он осознал, что на Востоке не текут реки, на дне которых блестит золото, что природа, климат Персии почти непереносимы для русского человека, что ему угрожают не только мазандаранские тигры, змеи, скорпионы и малярийные комары, но и жара, неведомые болезни, отсутствие питьевой воды, при том, что бурные воды Каспия не делают мореплавание по его просторам безопасным и легким. Не все оказалось так просто и с мечтой о переносе Великого шелкового пути в сторону России. Петр с удивлением узнал, что могущественная армянская Джульфинская община, державшая в своих руках персидскую шелковую торговлю, вовсе не собирается прокладывать новые пути через Россию, а даже наоборот – препятствует другим привлеченным Петром армянским купцам развивать это направление. Понять это можно: тысячелетиями налаженный торговый путь через Ближний Восток имел, при всех его трудностях и недостатках, свои колоссальные преимущества, ту обустроенность, которой не было на неосвоенных и малолюдных просторах России с ее бездорожьем, отсутствием транспортной инфраструктуры, холодным климатом и редкими городами. Доверять внезапно нагрянувшему к ним северному завоевателю, который, подобно множеству им подобных, пришел, завоевал, а потом исчез неведомо куда, умудренные тысячелетним опытом армянские купцы не могли, хотя получить от него преференции в торговле в собственно России они были не прочь – предпринимательские успехи нескольких поколений купцов Лазаревых, освоившихся в России, очевидны.

Мадагаскар и Берингов пролив

Понимая все эти проблемы, Петр не собирался отказываться от своей мечты украсить свою императорскую корону бриллиантами Индии. Он задумал еще два ошеломительных проекта поиска пути к вожделенной цели. В 1724 г. он приказал готовить секретную морскую экспедицию для завоевания Мадагаскара, где суще-

¹⁸ Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1993. Кн. 9. С. 362.

¹⁹ Цит. по: Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. С. 66–67.

ствовала республика морских разбойников, вытесненных к этому времени англичанами и французами из Карибского бассейна. Пираты, перебравшиеся на Индийский океан, основавшие своеобразную республику на Мадагаскаре, искали в Европе сюзерена, который мог бы создать им легальное прикрытие – европейские морские державы, оберегая свои торговые пути, упорно боролись с пиратами. И Петр решил стать для разбойников таким сюзереном, предложив пиратам российское подданство. Делалось это для того, чтобы основать колонию на Мадагаскаре и использовать ее как базу для морского похода в Индию. Примечательно, что грамоту к пиратскому «мадагаскарскому королю» император подписал так: «Вам приятель»²⁰. Если задуманная экспедиция адмирала Д.Я. Вильстера (из-за скверной организации ее в 1724 г.) не состоялась, то второй проект вполне удался: за несколько дней до смерти Петр подписал указ об отправке экспедиции капитана Витуса Беринга с заданием уточнить: «сошлась ли Америка с Азией», существует ли пролив между континентами. Это тоже не было праздным любопытством великого императора – он искал путь в Индию через Северный Ледовитый океан, что, в конечном счете, способствовало выдающимся географическим открытиям²¹.

Выводы

Словом, движение России на Восток было неизбежным и закономерным, как было неизбежно и закономерно движение России на Запад. И то и другое состоялось благодаря именно Петру Великому. Мир Востока оказался для России, в целом, чужд, но и в чем-то близок, как в силу геополитического положения России между Европой и Азией, так и с учетом особенностей менталитета и образа жизни русского народа, тесно соприкасавшегося в своем существовании с восточными народами. Решительно начатое Петром движение на Восток принесло имперской России бесчисленные кровавые конфликты, привело к колоссальной трате сил и средств для колониального движения на Восток. Но одновременно Россия, столкнувшись с Востоком, обогатилась не столько его бриллиантами, сколько не имевшими цены культурными ценностями народов Востока, навсегда связала с ними свою историю и в конечном счете свою судьбу.

Поступила в редакцию / Submitted: 09.05.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 19.06.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 25.06.2022

References

- Andreev, A.A. “Kihvinskoe khanstvo v nachale 18 veka. Trudnosti politicheskogo razvitiia v usloviiah vneshnego vlianiia.” In *Petrovskoe vremia v litsakh. 2015. Sbornik statei*, 19–28. St. Petersburg: Gosudarstvennyi Hermitage Publ., 2015 (in Russian).
- Bezgin, I.G. *Knyazya Bekovicha-Cherkasskogo ekspeditsiya v Khivu i posol'stva flota poruchika Kozhina i murzy Tevkeleva v Indiyu k Velikomu Mogolu. (1714–1717 gg.): Bibliogr. monografiya*. St. Petersburg: R. Golike Press, 1891 (in Russian).
- Bruin, K. de. “Puteshestvie v Moskoviyu.” In Iu.A. Limonov, ed. *Rossiia 18 veka glazami inostrantsev*. Leningrad: Lenizdat Publ., 1989 (in Russian).
- Evseev, E.N. “Ekspeditsiia I.D. Buchgoltsa i osnovanie Omskoi kreposti.” In *Goroda Sibiri (ekonomika, upravlenie i kul'tura gorodov Sibiri v dosovetskii period)*, 47–59. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie Publ., 1974 (in Russian).
- Goldenberg, L.A. *Fedor Ivanovich Soimonov (1692–1780)*. Moscow: Nauka Publ., 1966 (in Russian).

²⁰ *Конелев Д.Н.* Предыстория секретной экспедиции Петра на Мадагаскар. 1723–1724 гг. // *Вопросы истории*. 2016. № 3. С. 103–104; ПСЗ. Т. VII. № 4356. С. 157.

²¹ *Полевой Б.П.* Петр Первый, Николай Витсен и проблема «сошлась ли Америка с Азией» // *Страны и народы Востока*. М., 1975. Вып. 17. С. 15–32.

- Golikov, I.I. *Deiania Petra Velikogo. Mudrogo preobrazitelia Rossii, sobrannye iz dostovernykh istochnikov i raspolozhennye po godam*, vol. 6. Moscow: Nikolay Stepanov Press, 1838 (in Russian).
- Kopelev, D.N. “Predystoriia sekretnoi ekspeditsii Petra na Madagaskar. 1723–1724 gg.” *Voprosy istorii*, no. 3 (2016): 90–107 (in Russian).
- Kuruikin, I.V. *Persidskii pokhod Petra Velikogo. Nizovoi korpus na beregakh Kaspia (1722–1735)*. Moscow: Kvadriga Publ., 2010 (in Russian).
- Lockhart, L. *The Fall of the Safavi Dynasty and the Afghan Occupation of Persia*. Cambridge University Press, 1958.
- Mathee, Rudolph P. *The Politics of Trade in Safavid Iran: Silk for Silver 1600–1730*. Cambridge: University Press, 1999.
- Maykova, T.S., and Preobrazhenskiy, A.A., eds. *Gistoriya Sveyskoy voyny (Podennaya zapiska Petra Velikogo)*, issue 1. Moscow: Krug Publ., 2004 (in Russian).
- Polevoi, B.P. “Petr Pervyi, Nikolai Vitsen i problema ‘soshlas’ li Amerika s Aziey.” In *Strany i narody Vostoka*. Issue 17, bk. 3, 15–32. Moscow: Nauka Publ., 1975 (in Russian).
- Soimonov, F.I. *Opisanie Kaspiiskogo moria i chinyennykh na onom rossiiskikh zavoievanii*. St. Petersburg: Pri Imperatorskoi Akademii Nauk, 1763 (in Russian).
- Soloviev, S.M. *Istoriia Rossii s drevneishich vremen. Sochineniia*, bk. 9. Moscow: Golos Publ., 1993 (in Russian).
- Troitskii, S.M. “‘Sistema’ Dzhona Lo i eyo russkie posledovateli.” *Franko-russkie ekonomicheskie sviazi. Sbornik statei*, 91–121. Moscow; Paris: Nauka Publ., 1970 (in Russian).
- Yarshater, Ehsan, ed. *Encyclopaedia Iranica*, vol. 2. London and New York: Routledge & Kegan Paul, 1987 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Евгений Викторович Анисимов, д-р истор. наук, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук; Россия, 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7; профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский филиал; Россия, 190008, Санкт-Петербург, ул. Союза печатников, д. 16; vbrevi@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9093-586X>

Evgenii V. Anisimov, Dr. Habil. Hist., Chief Researcher, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences; 7, Petrozavodskaya Str., St. Petersburg, 197110 Russia; Professor, National Research University “Higher School of Economics,” St. Petersburg branch; 16, Soyuza Pechatnikov Str., St. Petersburg, 190008, Russia; vbrevi@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9093-586X>